

Новая Польша 3/2012

0: ДЕВУШКА В ЖЕЛТОМ «ПОРШЕ»

— Говорят, что Ян Кульчик свой первый миллион долларов получил от отца...

— Будем беседовать о деньгах? Я ни от кого никаких денег не получала.

— А вы помните, когда заработали свой первый миллион долларов?

— Я не проверяю свой банковский счёт каждый день. Но точно знаю, что каждую свою копейку я заработала. Большие деньги я стала зарабатывать относительно недавно, а работать для этого я начала с четырёх лет.

— Мне как-то не очень верится, что вы без эмоций отнеслись к тому, что стали обладательницей миллиона долларов.

— Но я, правда, не помню, когда перешагнула за миллион долларов, какое место я тогда занимала в рейтинге WTA [Женская теннисная ассоциация, Women's Tennis Association]. Я никогда не визжала от радости по поводу денег. «Ура, я в первой тридцатке! Я в первой двадцатке!» — вот что дает эмоции, а вовсе не деньги.

— Теперь вы в первой десятке.

— И каждый может проверить, сколько денег я заработала.

— Я проверила — 6,5 млн. долларов.

— Вот именно. Это деньги, заработанные на турнирах. Чем больше, чем важнее турнир, тем больше денег. И информация на эту тему всегда сообщается публике. Но я не знаю, хорошо ли это. Ведь это вызывает ревность и зависть. Люди наверное говорят: ей чуть больше 20 лет, а она уже так богата. Они, видимо, думают, что я прихожу, сумкой помашу, и мне тут же платят.

— Может быть потому, что вы носите чудовищно дорогие сумки от Луи Вюиттона?

— Я покупаю их только тогда, когда выигрываю турнир. Это премия. После проигрыша я не покупаю сумки себе в утешение.

— То есть у вас их шесть?

— Я думаю, что они вполне заслужены.

— И ездите вы на «Мазерати»?

— Нет. На «Порше каррера». Желтого цвета. Чтобы не бросаться в глаза. (Смех). Я в самом деле честно зарабатываю. Люди забывают о том, что надо совершить, как выложиться, чтобы несколько моих матчей подряд показывал канал «Евроспорт». Но я играю прежде всего для того, чтобы выигрывать, а не для того, чтобы заработать астрономические суммы. Вспомните, пожалуйста, что я из Кракова и деньги на ветер не бросаю. Когда я вижу футболку за сто долларов, то верчу пальцем у виска. И жду, когда будет распродажа.

— Теннис — это самый доходный спорт в мире?

— Ох, пожалуй, «Формула 1» больше. Ну и есть еще гольф.

— Я видела, что вы уже тренируетесь.

— Вы видели тот ролик с поля для гольфа? У меня неплохо получалось, правда? (Смех). Я не собираюсь менять вид спорта. По крайней мере до тридцати хочу играть в теннис профессионально. А это еще восемь лет.

— Вы добились хорошего контракта на рекламу на переговорах с итальянской фирмой «Лотто»?

— К счастью, эти суммы не обязательно следует сообщать публике. А кроме того, переговоры вела не я, а мой менеджер.

— **Отец, Роберт Радванский?**

— Нет. С февраля я связана с менеджерским агентством «Лагардер», а недавно, в сентябре, подписала контракт на три года с фирмой «Лотто». Теперь я буду играть в форме этой фирмы. Переговоры вел менеджер, но он всё время уточнял, каково мое мнение.

— **Я так понимаю, что ваша рекламная ставка в этом году возросла?**

— Чем лучше играешь, тем больше можешь потребовать. Это же нормально. И было бы странно, если бы я этим не воспользовалась. Карьера у спортсменов не слишком долгая.

— **Вы уже откладываете на пенсию?**

— Мне 22 года, я играю в одиночный теннис и думаю, что я ближе к началу, чем к концу. А деньги я буду инвестировать.

— **Бухгалтерию по-прежнему ведет ваша мама?**

— Да. И мою, и моей сестры Ули. Мама отвечает за всю бумажную работу. Подсчитывает и сообщает, какую сумму налога следует заплатить.

— **Вы платите налоги в Польше?**

— Главную часть налогов платишь в тех странах, где проходят турниры, в Польше тогда платишь уже меньше.

— **Таким образом фактически вы содержите — или, может, лучше сказать обеспечиваете работой — всю семью, возглавляете фирму «Агнешка Радванская».**

— Вся семья Радванских занята в теннисе. Пока что я зарабатываю больше, чем сестра, но Уля тоже зарабатывает на себя. Папа — наш тренер, а мама следит, чтобы с финансовой и бухгалтерской точки зрения всё было в порядке.

— **Но управляете вы?**

— Как вы настойчивы. Я на первом плане — может быть, поэтому вам так кажется. Заработанные мною деньги — это мои личные деньги. Но когда я хочу инвестировать во что-то крупную сумму, например купить квартиру в Кракове, то я обсуждаю это со всей семьей. Конечно, у меня всегда есть свое мнение, я отнюдь не тихоня.

— **Все видели, как вы спорите с судьей, как реагируете на замечания отца. Своих детей вы тоже будете воспитывать как профессиональных теннисистов?**

— Пока у меня нет ни детей, ни мужа. И не думаю, что до тридцати лет я стану матерью. Недавно на турнире — не помню, то ли в Стамбуле, то ли в Пекине — я разговаривала с коллегами-теннисистками в раздевалке о будущем детей, которые у нас могут появиться. И знаете, почти все они сказали, что не хотят, чтобы их дети так страшно мучились. Вкалываешь с юных лет. Сначала школа, потом до поздней ночи тренировки. И так изо дня в день. Ничего удивительного, что большинство теннисистов школьное образование заканчивает на восьми классах. Имеющих аттестат зрелости почти нет.

— **Значит, вы — «маяк» среди теннисистов?**

— Все удивляются, что у меня есть силы учиться. (Смех). Во втором и третьем классах лицея я занималась индивидуально, до этого ходила в школу как все. В профессиональном теннисе ведущие игроки, занимающие первые места в рейтинге, не хотят учить биологию или математику: считают, что профессия у них уже есть и школа им не нужна.

— **А вам зачем эта школа?**

— Мне хотелось знать больше, чем только как давать удар справа или удар слева. К сожалению, свидетельств с отличием я никогда не получала, но, чтобы подготовиться к экзаменам на аттестат зрелости, мне пришлось

пропустить несколько турниров. Господи, какой у меня был стресс. А какой был бы стыд, если бы я провалила экзамены. Чтобы быстро вернуться к игре, я сдала пять устных экзаменов за одну неделю. Круто, правда? Мне было 18 лет, ведь в школу я пошла раньше положенного. И была тогда уже в первой тридцатке WTA. Но зато мне не довелось побывать на школьном балу, который проводится за сто дней до получения аттестата, потому что я играла. Не удалось побывать и ни на одном 18 летию своих одноклассников. Хорошо, что хоть про свои 18 лет я не забыла. Теперь я студентка, и в связи с этим тоже бывает стресс.

— **На корте не видно, чтобы вы испытывали стресс.**

— Я же играю в теннис уже 17 лет. Я умею это делать и знаю, что в теннисе важно. И всегда хочу выиграть. Как любой человек. Ни один матч не перевесит стресса, который испытываешь при сдаче устного экзамена по польскому на аттестат зрелости и экзамена на водительские права.

— **И те, что предстоят в 2012 году на Олимпиаде в Лондоне, — тоже нет?**

— Послушайте, это же профессиональный спорт, ничего нельзя предугадать. А я не гадалка.

— **Когда играют мужчины, результаты очень даже предугадываемы.**

— Знаю, знаю. А когда играют девушки — тогда ничего неизвестно. Я вовсе не издеваюсь. Просто так оно и есть, вот и всё. Девушки играют иначе. То у одной лучше получится, то у другой, бывает у кого-то хороший день, всё идет хорошо, а бывает, что и нет. И в самом деле это зависит буквально от всего: от корта, от погоды, от ветра, от сна, от месячных. Всё может повлиять. Мы, девушки, не бываем такими ровными в игре, как наши коллеги-мужчины. Бывают дни, когда выходишь на корт и всё идет, как по заказу.

— **У вас в 2011 году было много таких дней.**

— Матч на матч не приходится. В узком кругу ведущих теннисисток у всех девушек примерно равные способности, так что многое зависит от удачи и от всех тех внешних факторов, о которых я говорила.

— **Ваш отец говорил, что не допустит, чтобы вы стали королевой утраченных возможностей...**

— Говорил, говорил. Но в то же время он понимает, что в женском теннисе, пока матч не завершен, пока не пожали друг другу руки, трудно что-либо предвидеть. Бывало так, что я проигрывала 0:5, а под конец выигрывала — и наоборот. Женщины-теннисистки очень неустойчивы.

— **Если так дальше пойдет, то благодаря вам теннис станет национальным спортом поляков.**

— Вы даже не представляете, как бы мне этого хотелось. Ручаюсь, что непрофессиональный спорт — это только здоровье.

— **А профессиональный?**

— Тут бывают и контузии, и усталость, но и сильные эмоции, и, как вы сами сказали, большие деньги. Я надеюсь, что и благодаря мне всё больше людей выходит на корт. Ради того, чтобы быть здоровым и красивым, ради того, чтобы иметь упругие ягодички, всё равно, по какой причине. Я ручаюсь, что это супер-удовольствие. Правда, можно заработать «локоть теннисиста», хотя у меня был «локоть игрока в гольф» — с внутренней стороны возникает отёк, и локоть чертовски болит.

— **Я была убеждена, что мускулатура у вас сильно развита, а у вас руки такие тоненькие.**

— Некоторые теннисистки выглядят как землекопы, а по мне вроде бы не заметно, что я профессионально занимаюсь теннисом и вообще каким-либо спортом хотя бы раз в неделю.

— **А Роджера Федерера вы по-прежнему любите?**

— Ну разумеется. И не только я. Хотя мы знакомы на уровне «привет-привет». Для многих моих коллег-теннисисток Роджер тоже кумир.

— **Ходят сплетни, что Агнешка Радванская + Томаш Викторовский = любовь и поэтому вы так прекрасно играете.**

— До меня эти слухи тоже дошли. Разумеется, это полная чепуха. Нас с Томеком это здорово насмешило. Знакомые меня спрашивали: «Ися, ты что, с Томеком?». Я не понимала, о чём идет речь. Просто он мой тренер, сопровождает меня во время поездок на турниры, вот и всё. Мы знакомы много лет, мы дружим и в любой ситуации находим общий язык.

— **Может быть, и поэтому у вас такие прекрасные результаты?**

— Мы же проводим вместе иногда по четыре-пять недель подряд. Если бы мы не дружили, то это могло бы стать невыносимым.

— Мой отец — очень хороший тренер. Он меня всему науч

— **Отец заставлял вас нервничать и на корте, и вне корта?**

ил. Впрочем, в Польше мы по-прежнему тренируемся вместе. Вот только что мы закончили утреннюю тренировку, и я не позволю сказать про него ни одного плохого слова. Просто у нас не получалось находить общий язык вне корта, вот и всё. Просто папа — очень нервный человек и не выдерживал этого огромного давления. А я тоже не отношусь к тем, кто держит свои нервы в узде, хотя по сравнению с папой я человек спокойный. Он слишком всё переживает.

— **Встречаясь перед тренировкой вы чмокаете друг друга или же говорите: отец, дай пять?**

— Ну что вы. Только «привет» и «начали». В последнее время мы встречаемся дважды в день. Практически это выглядит так, как будто мы и не расставались. Но ни один из нас не склонен к многословию. Это мой отец, и я знаю: он хочет, чтобы у меня всё складывалось как можно лучше.

— **А ваши матчи он будет по-прежнему смотреть по телевизору?**

— И это к лучшему. По крайней мере, лишний раз не будет нервничать. Когда он сидел на трибуне, то мы все нервничали. Я уже устала от темы отношений с моим отцом.

— **Вы занимаете восьмое место в рейтинге WTA. У вас есть цель: попасть в 2012 г. в первую тройку?**

— Я могу ставить себе цель, а как всё сложится, ясно будет на месте. Ведь я занимаюсь женским теннисом. (Смех). Как будет на Олимпиаде в Лондоне, тоже неизвестно. Конечно, от олимпийской медали я бы не отказалась. Я хочу быть первой и знаю, что это возможно.

Беседу вела Магдалена Ригамонти

1: АЛЕКСАНДР I И ПОЛЯКИ

Самодержец, властелин половины мира.

Сдвинул брови — мчатся вдаль тысячи кибиток;

Подписал — и слезы льют матери убитых;

Глянул — хлещет царский кнут, — что Хива, что Неман!

Царь, ты всемогущ, как бог, и жесток, как демон!

Приведенные строки из поэмы Адама Мицкевича «Редут Ордона» (пер. С.Кирсанова) — типичный пример изображения российских правителей в культуре польского романтизма, изображения, которое по-прежнему определяет облик династии Романовых в сознании современных поляков. Каждый выносит из школы образ царя-чудовища, земного воплощения дьявола, чуть ли не вурдалака, питающегося кровью бедных и невинных патриотов. Не будет преувеличением утверждение, что русский царь (как топос) по сей день остается одним из важнейших отрицательных героев польской культуры.

Тем не менее среди русских монархов, имевших случай вписать свое имя в польскую историю, мы находим фигуру, которую смело можно признать спорной, то есть не поддающейся прямо негативной оценке. Это Александр I, император российский в 1801-1825 гг., создатель Царства (по-польски — Королевства) Польского и

его монарх с 1815 года. Характерная расплывчатость, с которой современные поляки (не только историки) подходят к его личности, представляет собой до известной степени наследие дилемм наших собственных предков, двести лет назад живших под скипетром «воскресителя отечества».

У источников взаимных связей

Кульминационный момент обожания Александра поляками приходится, понятное дело, на период «возрожденного Королевства». Следует, однако, помнить, что 1815 год не знаменовал первого соприкосновения обеих сторон. Уже задолго до того, как международное положение позволило вернуть имя Польши на карту Европы, имя русского императора оставалось тесно связанным с польским национально-освободительным движением.

Александр Павлович взойшел на трон в результате трагической смерти своего отца в 1801 году. Дитя зрелого Просвещения, потрясенный и замороженный американской войной за независимость и французской революцией, он еще в бытность великим князем мечтал о фундаментальной реформе русского абсолютизма. Отнюдь не случайно воспитанием будущего государя руководил швейцарский гувернер Лагарп, энтузиаст республиканских идей и яростный враг деспотизма. Это он привил Александру искреннюю неприязнь к Наполеону Бонапарту, которого многие считали предателем революции и который ввел во Франции самодержавное правление в масштабах, неведомых даже «Королю-Солнцу».

Те же идеалы разделяли с молодым императором его ближайшие друзья. Александр подружился с ними еще много лет назад, когда пламенно жаждал братского окружения, чтобы избавиться от придворных интриг и конфликтов между бабкой-императрицей и отцом-цесаревичем. В кружок, насчитывавший несколько человек, входил и тридцатилетний князь Адам Ежи Чарторыйский, потомок колонизированного литовского рода, игравшего на протяжении всего XVIII века ключевую политическую роль в Речи Посполитой Обоих Народов. После разделов Польши родители Адама были вынуждены по приказу Екатерины II отослать сына к петербургскому двору, где ему предстояло вознестись до будущего сановника Российской империи. В этих обстоятельствах он и подружился с великим князем Александром, который после восшествия на престол вверил ему попечение над российской дипломатией.

Действия князя Чарторыйского на его посту стали ключевым событием в польско-русских отношениях эпохи после разделов. Уже в 1803 г. Чарторыйский представил свой первый антинаполеоновский проект, предусматривавший реорганизацию политической карты Европы. Краеугольным камнем этого плана было воскрешение Речи Посполитой под скипетром династии Романовых. С той поры и на протяжении дальнейших лет наполеоновских войн стремление препоручить Александру дело восстановления польско-литовского государства составляло цель не только Чарторыйского, но и других политиков родом из так называемых западных губерний, включенных в состав империи в результате разделов Польши. Император рассматривал эти планы с меньшим или большим энтузиазмом в зависимости от того, соответствовали ли они, по его мнению, интересам России. Главное препятствие составлял тот факт, что значительная часть территории бывшей Речи Посполитой находилась не только вне границ России, но вдобавок под управлением Пруссии и Австрии — главных союзников Александра в наполеоновских войнах. И в конечном итоге полякам не удалось склонить императора даже предоставить автономию Литве, хоть она и располагалась на его собственных землях.

«Воскреситель» в момент «воскрешения»

Перелом наступил в 1812-1815 гг., когда на развалинах наполеоновской империи Россия выросла в самую мощную державу на континенте. В этот момент создать государство для поляков с русским императором на троне было для Александра не только возможно, но и необходимо. Его собственные представления о послереволюционном мире прямо требовали такого шага. Новое польское государство не только удовлетворяло принципам дорогой императорскому сердцу христианской справедливости, но и позволяло Александру выступить в издавна желанной роли конституционного монарха.

Известие о создании Царства Польского было принято на берегах Вислы с эйфорией. Александра почти сразу провозгласили «воскресителем отечества» и «спасителем нации». Благодарность новому польскому монарху выражалась всячески: о нем слагали стихи и песнопения, совершали молебны за него, его имя давали новорожденным детям, обзаводились литографированными портретами благодетеля. Патриотическое воодушевление вызывало в памяти похожие сцены, происходившие в декабре 1806 г., после вступления Наполеона в освобожденную от пруссаков Варшаву. Однако тогда французы серьезно обманули возлагавшиеся на них надежды, учредив лишь скромное Герцогство Варшавское. Ныне поляки получили гораздо больше — с этой минуты имя Польши вернулось на карты, а на троне восседал не герцог, а их собственный король.

Прежде чем огласить свое решение, Александр отнюдь не был уверен, удастся ли ему снискать благосклонность «варшавских» поляков, до того пребывавших под иною властью. Поэтому князь Чарторыйский уже некоторое время вел сдержанную агитацию, противодействуя местной русофобии, которую разжигали в Герцогстве перед самой войной 1812 года. Благостную картину портила и долгая оккупация привислинских территорий царскими полками, преследовавшими наполеоновскую армию. Реквизиции и насильственный построй серьезно затрудняли жизнь всем жителям, от крестьян до вельможных господ. Можно, однако, предполагать, что даже без усилий Чарторыйского — кстати, не носивших такого уж широкого размаха — всеобщее ощущение счастья и благодарность Александру были бы отнюдь не меньше. Национально сознательным полякам с территории Герцогства важно было тогда только одно — независимость. Кто им ее обеспечивал, тот безоговорочно завоевывал их сердца. По жребию судьбы это выпало Александру.

Разумеется, с самого начала не было недостатка в недовольных. Одни настолько подпали под чары Наполеона, что всё еще не могли стряхнуть их с себя. Другие, даже более многочисленные, сетовали, что по территории Королевство меньше Герцогства и уж тем более ему далеко до Речи Посполитой. Многие с подозрением смотрели на некоторые решения Александра. Ему ставили в упрек хотя бы герб нового государства, едва ли не тождественный имперскому. Эти проявления неудовольствия и сомнений блекли, однако, на фоне всеобщего ощущения счастья: вновь есть Польша, и вновь Королевство, с конституцией, ссылающейся на Правительственный закон от 3 мая 1791 года. А всё остальное — мелочи, не имевшие тогда особого значения.

Десятилетие александровского мифа

Трудности, которым со временем предстояло порвать узы, связывавшие поляков с династией Романовых, начались уже в первый период существования Царства Польского. Многих возмущало поведение брата императора, великого князя Константина, который, командуя армией, зачастую словесно и физически измывался над подчиненными. С самого начала плохо выглядел в глазах публики и Николай Новосильцов, чрезвычайный царский эмиссар, занимавшийся главным образом надзором и слежкой за обществом. Неблагосклонно смотрели там и на серию отставок заслуженных политиков времен Герцогства Варшавского, которых заменяли поляками, более тесно связанными с новым строем. В 1819 г. вопреки конституции была введена цензура. В 1821 г. ликвидировали (как и во всей Российской империи. — Ред.) любые тайные союзы, в том числе масонские ложи, игравшие до этого момента важную роль, оказывавшие огромное, порой решающее влияние на политическую и культурную сферу и числившие среди своих членов высших государственных сановников. Поляки замечали постепенное, но неуклонное укрепление правительства, непосредственно подчинявшегося Петербургу. Следствием глубокой привязанности общества к идеалам шляхетской демократии и к слабой центральной власти становилась всё более отрицательная оценка текущей ситуации.

Самодержавные реформы Александра в значительной степени вытекали из традиций царской власти. Невзирая на то, что император самолично дал полякам конституцию, он рассматривал ее скорее в категориях политического эксперимента, нежели навеки обязывающего и ограничительного документа. Сам царь быстро убедился, что примирение обеих систем власти: самодержавия и конституционной монархии — довольно трудная задача для одного человека. Помимо личных склонностей государя, на такое состояние дел неблагоприятно влияла и атмосфера, сложившаяся в европейской политике. Уже на Венском конгрессе либеральные и конституционные тенденции соперничали с реакционным неоабсолютизмом. Воспоминания о терроре якобинцев, а особенно — о войнах с Наполеоном привели к серьезной переоценке прежних взглядов на возвышенные цели просвещенных революционеров 1789 года. Уже одна возможность возвращения к кошмару последних лет вызвала серьезные опасения у монархов всей Европы. В результате везде обострился контроль над подданными и проводилась политика грубой ликвидации любых проявлений сопротивления. Новые беспорядки в Италии и на Пиренейском полуострове беспокоили Александра, который даже в России столкнулся с таким испытанием, как бунт отборного гвардейского полка. Поэтому царь всё критичнее оценивал поведение поляков, у которых хватало смелости публично критиковать начинания правительства Царства Польского. Император верил, что только незыблемая центральная власть в состоянии спасти человечество от больших бед. Переломным оказался 1820 год, когда в Сейме открыто проявила себя либеральная оппозиция во главе с братьями Немоёвскими, требовавшая от правительства соблюдать конституцию. В ответ Александр на протяжении пяти лет подряд не созывал очередных заседаний Сейма, хотя сам же ранее установил норму, которая обязывала проводить их раз в два года.

Как это ни парадоксально, но прогрессирующее разочарование во взаимных отношениях не приводило к ослаблению мифа «воскресителя отечества». Бунт поляков против горькой действительности подсознательно вел к погружению в пучины фантазии. Их критика была направлена прежде всего на королевского наместника, министров, великого князя Константина, Новосильцова, только не на монарха. Нередко они, похоже, даже верили, что состояние дел, против которого они протестуют, вытекает из неведения Петербурга о действиях

варшавских властей. Император, по крайней мере на уровне публичных высказываний поляков, оставался вне подозрений. Общество прекрасно отдавало себе отчет в том, что только Александру оно обязано фактом сегодняшнего существования Королевства. Стареющие политические верхи, помнившие времена Речи Посполитой, воспринимали царский дар как увенчание многолетней борьбы за независимость. Выступить против Александра означало бы признать в жизненном поражении. На краю могилы они не хотели допустить и мысли, что их жизнь, с молодых лет посвященная почти исключительно делу нации, оказалась бессмысленной.

Особым форумом для изъявления благодарности Александру за устройство Королевства были Сеймы 1818, 1820 и 1825 годов. Этим занимались как депутаты, близко связанные с правительством, так и скептики. Особенно подчеркивался факт великодушия российского повелителя, который простил недавних врагов и несмотря на участие Герцогства в войне 1812 г. одарил польский народ собственным государством с самим собою на троне. Многие выражали также гордость тем обстоятельством, что Польша пребывает в унии с самой крупной державой Европы. Это воспринималось как наилучшая гарантия безопасности. Александру воздавали честь и за восстановление извечных гражданских прав. На основании такого обращения к прошлому доказывался польский характер нынешней конституции и всего государства, а следовательно, и благие намерения императора-короля. С особым восторгом отождествляли Александра с Ягеллонами. Тем самым соотносили ныне действующий польско-русский союз с теми средневековыми узами, которые связывали Корону с Русью, входившей тогда в состав Великого Княжества Литовского. При этом не скрывали надежду на скорое объединение литовско-украинских губерний с Царством Польским, что туманно обещал сам Александр в 1815 году. Существующие границы многим казались прелюдией к восстановлению в будущем всей Речи Посполитой.

Новое поколение, новые представления, новые мифы

На первый взгляд, смерть Александра в 1825 г. мало что изменила в смысле отношения к его особе. Это в особенности показали варшавские траурные церемонии в честь почившего монарха, ставшие одной большой патриотической манифестацией — почестями, которые народ воздал делу «воскрешения» Польши. Вскоре начали думать об установке памятника, которого до сих пор не было. При жизни скромный император позволил только возвести в Варшаве храм (существующий донине костел св. Александра), который подчеркивал Божественный источник его благодетельности. Однако теперь у поляков появилась особая потребность подчеркивать личные заслуги Александра — и не ради того, чтобы доказывать их наличие самим себе, но дабы внушить их новому монарху, Николаю I. Тот, как известно, с самого начала был склонен проявлять скорее суровость, чего поляки вовсе не хотели безропотно принимать. Поэтому они не стеснялись указывать новому монарху на старшего брата как на образец для подражания в отношениях с поляками. И всякий раз, когда ему напоминали об обязанностях, вытекающих из конституции, тут же автоматически ссылались на Александра. При этом предусмотрительно возводили текст конституции в ранг откровения, ни единой буквы которого нельзя было изменять ни под каким видом. Для поляков аргументом служила неразрывная связь между незыблемым существованием конституции и бытием Царства Польского, в котором им хотелось видеть возрожденную Польшу. Да, они сознавали, что Николая это может мало интересовать; поэтому в отношениях с ним особый упор делали на то, что такова была воля его усопшего брата.

Однако дни мифа Александра уже в тот период были сочтены, обстоятельства постоянно сгущались, всё громче звучал голос молодого поколения, проникнутого идеалами романтизма. Убежденная в абсолютной обоснованности своих чаяний, молодежь собиралась не довольствоваться свершениями родителей, а решительно идти стократ дальше. Их жизнь лишь начиналась, а продолжение борьбы за полную свободу они почитали ее смыслом. Разразившееся в 1830 г. восстание, которое подняла горстка юнкеров-подхорунжих, и парадоксальное нарушение конституции во имя ее защиты ознаменовало начало конца существовавшего положения. Естественным образом конституция вскоре после этого перестала быть хоть какой-то точкой опоры. Теперь поляки хотели уже новой Польши, без всяких уний или прямых внешних влияний. Официальное низложение династии Романовых с польского престола в январе 1831 г. было последним гвоздем в гроб Царства Польского. Вместе с этим «государством» похоронили и миф Александра-воскресителя.

На его месте выросли новые мифы: романтические, демонические, уже не апеллирующие к конкретной личности, а описывающие одно сложное существо, не ограниченное человеческой природой и длящееся в течение поколений, — царя-чудовище. В его основу легли образы двух полонофобов, душителей восстаний 1830 и 1863 гг., — Николая I и Александра II.

Со временем появились и первые исторические труды. Ученые начали размышлять над фактическими мотивами, стоявшими за решением Александра о создании Царства Польского, а также над его политикой в отношении поляков. Однако независимо от конкретных выводов, никто уже не намеревался признавать Царство Польское подлинным польским королевством, а его создателя — подлинным польским королем. Это, однако, не меняет

того факта, что оценки личности Александра по сей день отличаются значительными расхождениями. Этот единственный случай открытого и искреннего дружелюбия поляков к российскому монарху эпохи разделов по-прежнему поражает и заставляет задумываться.

2: ВСТРЕЧИ ВИКТОРА ВОРОШИЛЬСКОГО С РОССИЕЙ

Во вступительной заметке к сборнику стихов Натальи Горбаневской в польских переводах «Ангел деревянный» Виктор Ворошильский писал:

«Наталья Горбаневская — выдающаяся поэтесса, лирическая поэтесса прежде всего, но парадокс ее судьбы состоит в том, что в глазах читателей поэтессу как бы заслонила другая фигура с тем же именем и фамилией — героиня исторического жеста и кропотливой оппозиционной повседневности, а поэтесса, менее заметная, жила как бы в ее тени (...)».

В этом замечании много правоты, и не только в применении к Горбаневской. Не только в ее случае какая-то часть биографии заслонила другие, не менее важные ее элементы. Этот парадокс судьбы относится и к самому автору вступительной заметки. Для некоторых его биография кончается на его «романе» с коммунизмом, а произведения этого периода часто повторяются и цитируются. Так происходило в особенности в 90-е годы, которые были своеобразным расчетом с прошлым, и расчет необязательно вытекал из внутренней потребности, чаще был спровоцирован, вызван другими: журналистами, комментаторами, рецензентами. Не без горечи вспоминает об этих провокациях Ворошильский в сборнике публицистики «В джунглях свободы»:

«Хельга Хирш, корреспондент гамбургской газеты «Цайт» (...) спросила меня, чем объясняется, что поляки — иначе, нежели, скажем, чехи и особенно немцы из бывшей ГДР, — не слишком, на ее взгляд, возбуждены лозунгом декоммунизации (...). Я ответил примерно так: в польском обществе процесс декоммунизации — не сверху, а самостоятельно, можно бы сказать «самодекоммунизации», — начался, притом не формулируя лозунга, давно, по крайней мере в середине пятидесятых, и продолжался в дальнейшем, не исключая периода военного положения».

Говоря о «самодекоммунизации», автор «Моих русских» имел в виду в особенности себя самого, так как на первую половину 50-х приходится его расхождение с коммунизмом. О многих поэтах и писателях из стран социалистического лагеря говорят, какой в их жизни произошел перелом, связанный с 1956 годом, прежде всего с венгерским восстанием. Однако у Ворошильского дело выглядит несколько иначе. Перелом ему принес уже 1952 год, и связан он был с пребыванием в Москве, где Ворошильский учился в аспирантуре Литературного института. В одном интервью он так вспоминал этот опыт:

«Летом 1953 года, приехав на первые каникулы, я направился прямо в ЦК и со всей наивностью сообщил о своем разочаровании в России, советской власти, коммунизме и т.п.».

К счастью, разочарование в России носило только политический характер и не затронуло других областей его деятельности и мысли. Этому помогли люди, которых он встретил на своем пути. Знаменательно, что со многими русскими из своих знакомых того времени он дружил много лет и был им обязан хотя бы тем, что написал биографические книги о русских писателях, о чем еще будет речь впереди.

Если искать причины этого разочарования в советской действительности, то наверное среди важнейших окажется влияние образа России, созданного в литературе, которую Ворошильский прямо глотал. Здесь дает о себе знать юношеский пыл и идеализм. Ворошильский говорит, что он жертва русской литературы, изображавшей иллюзорный мир, совершенно не тот, что застал он в 1952 году. Из литературы на него смотрела прекрасная, идеальная, утопическая русская душа, «какой-то взлет в духовную Вселенную», что-то, что влечет, чарует, во что жаждешь верить.

Эта самая первая Россия в жизни будущего писателя — чтение книг, оставленных красноармейцами, отступавшими от немецкой армии в 1941 году, в его родных местах. Среди разных авторов особое место занял Владимир Маяковский, юношеский кумир Ворошильского. Но это не только восторг перед поэзией Маяковского — юноше особенно близко было его мировоззрение. Годы спустя Ворошильский откровенно признавался:

«...я подражал ему в стихах и хотел, как он, чувствовать себя “революционером в жизни и поэзии”».

Имя Маяковского появляется и в контексте выезда Ворошильского на учебу в Москву. Ему была посвящена диссертация, положившая затем начало биографической книге «Жизнь Маяковского».

Ворошильский провел в Москве четыре необычайных года, необычайных хотя бы по интенсивности происходивших тогда событий. У писателя была возможность наблюдать положение перед самой смертью Сталина и сразу после нее, он был на похоронах, видел толпы заплаканных людей. Он оставался в СССР и тогда, когда на волне «оттепели» стали возвращаться из лагерей и с вечного поселения люди, «перемолотые строем, который сами запроектировали, а значит, мучимые угрызениями совести». Такие, например, как Анна Берзинь, вдова Бруно Ясенского, которая «говорила, что никаких претензий к судьбе у нее нет, так ей и таким, как она, и надо, потому что, еще будучи партийными, они голосовали за полную власть Сталина». Этих людей Ворошильский воспринимал как более свободных, чем те, кого раньше встречал на воле.

Благодаря воспоминаниям Ворошильского мы имеем возможность видеть разные акты драмы России, регистрировать перемены и изменения. Можем осознать, что грубая действительность — это не только Москва, но и отдаленные республики, в которых тоже подвергаются репрессиям и погибают выдающиеся художники; особенно в этом контексте писатель говорит о Грузии, родине Сталина и Берии, «где жестоко вырезали интеллигенцию», — лучшее доказательство того, что режим дотягивался повсюду и не щадил никаких «врагов народа».

Пребывание в СССР — это еще и поездки по стране, легальные и нелегальные. В 1954 г. Ворошильский впервые побывал в Грузии и Армении, в 1956 м поехал в Азербайджан и Среднюю Азию. В памяти оставались не только живописные пейзажи, но только «один из самых прекрасных городов мира» — Сухуми, но и колючая проволока, шедшая посередине города-лагеря Караганды, части которого в разные годы возводили всё новые и новые жертвы репрессий — кулаки, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, немецкие военнопленные.

Автору диссертации о Маяковском, вернувшемуся в Польшу в 1956 году, не досталось легкой жизни, тем более что в ноябре ему удалось полететь с самолетом Красного Креста в Будапешт и вблизи наблюдать ход событий. Его «Венгерский дневник» привел к тому, что имя Ворошильского стало хорошо известно в СССР. Настолько хорошо, что многих советских граждан, приезжавших в Польшу, в посольстве сразу предостерегали от встреч с ним. И дорога на восток оказалась для него практически закрытой. Ему удалось только раз, в 1971 г., поехать по приглашению в Таллин и нелегально побывать в родном Гродно и в Вильнюсе. Тогда-то он через Томаса Венцлову познакомился с Иосифом Бродским. Результатом его оппозиционной деятельности стал на некоторое время полный запрет на публикации, охватывавший не только его собственные произведения, но и переводы; вдобавок он был окружен «особой заботой» органов ГБ, включая интернирование во время военного положения.

Это, однако, не помешало Ворошильскому и его жене Янине создать в квартире на варшавском Жолибоже одно из самых известных мест встреч — важное место на литературно-культурной карте Варшавы. Здесь в декабре 1970 г. прошел концерт Булата Окуджавы, на который многие были приглашены лично: связь по телефону не годилась. Ворошильский упоминает об этом вечере в своей биографической заметке об Окуджаве из книги «Мои русские». Его дочь Наталья помнит и другие встречи, например с Евгением Евтушенко, который появился в Варшаве как «звезда» и никак не мог понять, что никто из собравшихся у Ворошильских не стучач; с Эдвардом Стахурой — в роли главного героя; с Анджеем Северином, который выступил с моноспектаклем по «Двенадцати» Блока; камерную встречу с Иосифом Бродским в 1993 г. перед его авторским вечером.

Дом Ворошильских для многих был важным, безопасным, вдохновляющим местом, где обмен мыслями и вообще встречи с другими людьми были чем-то необычайно существенным. Наталья Ворошильская вспоминает, что только после смерти родителей вполне отдала себе в этом отчет, в чем ей помогли и другие люди, бывавшие у них дома. Одновременно она обнаружила, что не все, кто у них бывал, знали друг друга, некоторые встретились впервые только после смерти родителей. Она осознала, что отец очень старательно подбирал людей на встречи, по-своему их «конфигурировал», отбирал в согласии с только ему известным критерием, а результатом становилась встреча, приносящая вдохновение. Уже тут мы имеем дело с укреплением связей между поляками, русскими, украинцами, белорусами, литовцами — и не только. Роль «деликатного хозяина», как назвал Ворошильского Богдан Осадчук, дала идеальный зачин многим мероприятиям, горячим спорам, полемике. Встречи на Жолибоже подтверждают, однако, и ту печальную истину, что легче подружиться людям разных народов, чем народам, которые они представляют.

Если речь зашла о дружбе, то следует вспомнить, что со многими русскими у Ворошильского дружба длилась многие годы. Хотя сразу надо сказать, что это не были легкие, гладкие, не критические отношения. Приведем хотя бы пример Евгения Евтушенко, которого — из-за его позирования в роли «звезды» — Ворошильский всегда воспринимал с известной долей иронии, и Роберта Рождественского, с которым Виктор дружил, но потом их пути разошлись. В число его друзей можно включить Наума Коржавина, Фазиля Искандера, Иосифа Бродского, Юнну Мориц, Наталью Горбаневскую, Булата Окуджаву. Часто это была дружба на расстоянии, как, например, с Геннадием Айги, который очень помог Ворошильскому в сборе материалов для биографий Маяковского и

Есенина, — дружба духовная и поэтическая по переписке. Айги, кстати, тоже немало обязан Ворошильскому, который не только дал русско-чувашскому поэту существование в польском литературном сознании, но и помог ему выплыть на широкие воды, стать популярным в Западной Европе, которая открыла его как раз благодаря переводам Ворошильского. Польские переводы — дебют Геннадия Айги за границей, и ничего удивительного, что поэт потом не без сентимента вспоминал «польский плацдарм» на пути к всемирной славе.

Если говорить о материалах к биографическим книгам Виктора Ворошильского, присланных русскими, то следует подчеркнуть, что он автор четырех биографий. Первая — это роман «Сны под снегом» о Салтыкове-Щедрине. Этот русский писатель XIX века помог Ворошильскому увидеть Россию совсем с иной точки зрения. Благодаря Салтыкову-Щедрину польский писатель перестал воспринимать окружавшую его советскую действительность только реалистически и начал замечать некий ее вневременной аспект: читая произведения Щедрина о царской России, Ворошильский без труда обнаружил в них некоторые черты советской России, не говоря уже о том, что с изумлением открыл, что и в современной ему, и в современной Щедрину России художник нередко оказывается перед лицом схожих и непреодолимых ограничений — тирании, глупости, цензуры. Может быть, именно этот момент отождествления с автором «Истории города Глупова» привел к тому, что мы имеем дело с рассказчиком от первого лица. «Сны под снегом» (1963) — это первая книга, которая, как подчеркивает Ворошильский, не была бы написана без помощи русских друзей, снабжавших его материалами, к которым сам он не имел доступа.

Однако более известной стала другая биография авторства Ворошильского. Мы имеем в виду «Жизнь Маяковского» (1965), ставшую полемикой с диссертацией, написанной во время четырехлетнего пребывания в Москве в 1952-1956 гг., и свидетельством перемены, которая произошла с ее автором. В книге «Жизнь Маяковского» Ворошильский переносит ударения: героическая фигура революционера становится романтическим героем, разорванным, несчастливо влюбленным. Интересна, однако, не только тема, но и форма этой книги: нечто вроде коллажа, компиляции цитат из разных высказываний, хроники, газетных и журнальных статей. Автор говорит о сходстве с монтажом документального фильма, о склейке разных кусков материала. Конечно, главным было обойти цензуру, издать книгу без цензурных исправлений и вырезок. Множество материалов, использованных в этой книге, Ворошильский получил от Геннадия Айги, работавшего тогда в Музее Маяковского.

В интервью Татьяне Бек писатель подчеркивает, что много лет занимался русскими темами, вообще не бывая в России. Это относится и к двум его следующим книгам, о которых мы здесь еще не говорили. Это «Жизнь Сергея Есенина» и книга о Пушкине с красноречивым названием «Кто убил Пушкина». Последняя долго не могла быть опубликована (имя автора находилось под запретом), и первое издание вышло только в 1983 году (второе — в 1991 м). Сам Ворошильский говорил, что работа над этой книгой заставила его осознать, что Пушкин и его жизнь — это как бы прототип и символ судеб русских писателей разных эпох, и не только русских.

Симптоматична с этой точки зрения глава «Клетка», где Ворошильский подробно описывает попытки Пушкина вырваться за границу и трудности в контактах с внешним миром. Фон книги составляет царская цензура, контроль над жизнью Пушкина в ссылке, донесения третьих лиц о его образе жизни, о том, как он одевается, ведет себя, поиски предлога к обвинению и аресту поэта. Но мы без труда видим здесь проницательный диагноз, относящийся в действительности к некоторому универсализму как русских судеб, так и судеб тех, кто по своей или не по своей воле находится в орбите влияния империи, к фатализму существования в метафорической клетке, из которой невозможно вырваться. Подтверждением могут служить хотя бы слова Ворошильского о Пушкине: «...свою судьбу он увидел как звено длинной цепи судеб своих предшественников, часто самых трагических судеб, что, разумеется, не предвещало, будто он от этого окажется избавлен».

Биографические книги Ворошильского — очень важный элемент его творческой биографии и его «приключения» с Россией, но не подлежит сомнению, что важнейшее, что он совершил в этой области, — это его внушительное переводческое наследие, охватывающее поэзию, прозу и драматургию XIX-XX веков. Ворошильский переводил романы и рассказы, пьесы и детские книги, но на первом месте, конечно, стоят его переводы русской поэзии. Как поэт, занимающийся переводами поэзии, Ворошильский решительно поддержал запрет Станислава Баранчака (из его «Малого, но максималистского переводоведческого манифеста») на переводы поэзии прозой. Он говорит об этом в фельетоне «Русские (и не только) мотивы» (май 1991), возражая на выдвинутое Мацеєм Цислой предложение переводить стихи Иосифа Бродского или Натальи Горбаневской на польский язык прозой (потому что тогда они, может быть, звучат лучше) и обвиняя автора рецензии, тоже кстати поэта, в «бесчувственности (...) к мелодическому и рифмованному стиху, прямом неразличении в рамках такого стиха разнообразия интонаций и эмоционально-смысловых доминант».

К важнейшим переводческим достижениям Ворошильского принадлежит двухтомная, почти в тысячу страниц, «Антология новейшей русской поэзии», подготовленная тремя переводчиками: Виктором Ворошильским, Витольдом Домбровским и Анджеем Мандальяном, — вышедшая во Вроцлаве в 1971 году. В нее входили произведения начиная с 80-х годов XIX века и до конца 60-х — XX вв. Ответвлением этой большой антологии стала вышедшая в том же году в Варшаве малая антология «Русские символисты и акмеисты».

Однако фундаментальный труд Ворошильского — посмертно изданная антология «Мои русские». Издание этой книги уже в свободной Польше оказалось делом нелегким. Она пролежала в нескольких издательствах, пока наконец удалось найти издателя, что, как подчеркивает дочь поэта Наталья, произошло совершенно случайно. Первое издание разошлось сравнительно быстро, и вскоре вышло второе. Книга создавалась много лет, менялись ее концепции, однако со временем вырисовалась ее окончательная форма. Ворошильский работал над ней даже тогда, когда уже был тяжело болен. Он диктовал заметки о поэтах жене Янке — сам писать он уже не мог. Изданием «Моих русских» занялась и довела это дело до счастливого конца Наталья Ворошильская. Антология вышла в 2006 г., в десятилетие со дня смерти автора, во вроцлавском издательстве «Бюро литерацке».

«Мои русские» — это частный лексикон, посвященный первому учителю и проводнику Ворошильского в области перевода русской поэзии Северину Полляку. Всего в антологии 210 произведений 65 поэтов. Однако главную оригинальность книги составляют собранные в конце текста заметки об авторах. Там мы найдем массу острот, анекдотов, но прежде всего увидим, какими запутанными бывают человеческие судьбы, какие драматические сюжеты выпали на долю многих писателей. Трудно избавиться от мысли, что здесь не встретишь много счастливых историй, многих спокойных, беззаботных людей.

Наконец, очень ценны в заметках об авторах затронутые Ворошильским — как бы на полях биографий — разнообразные темы: от империализма до панмонголизма, от Руси до современной России, — свидетельствующие не только об эрудиции автора, но и о его неустанном интересе ко всему русскому. Здесь мы видим и страсть, и ангажированность, и перфекционизм Ворошильского.

Ворошильский переводил не только с русского, но и с немецкого, украинского, белорусского, а при помощи русских переводов — с грузинского и литовского. Кроме того он знал французский и английский, изучал испанский. За свои переводы он получил в 1979 году премию Польского ПЕН-клуба. Он был лауреатом и других премий, в том числе Фонда Костельских (1965), журнала «Литература на свете» (1996).

Однако отношения Виктора Ворошильского с Россией — это не только его книги, посвященные русским писателям, или его переводы русской литературы, но и переводы его произведений на русский язык. Ворошильского переводили Наталья Горбаневская (опубликовала в «Континенте» стихи и «Венгерский дневник»), Ксения Старосельская (переводила прозу), Владимир Соколов, Владимир Британишский, Андрей Базилевский и другие переводчики стихов